

Новое назначение

Я прожил достаточно длинную жизнь, чтобы ощутить, а не просто логически осмыслить все три этапа существования русской интеллигенции от ее зарождения до гибели через ступени конфронтации, унижения, физического уничтожения, мучительного конформизма уцелевших до возрождения веры в гражданские права и горького понимания, что интеллигенция так и осталась невостребованной. Ведь необходимость и сила русской интеллигенции была в ее понимании своего гражданского долга перед Родиной, а не просто в исполнении тех служебных функций, которые столь характерны для западных интеллектуалов и которые силой насаждала советская власть.

Борис Васильев

Вот вкратце немного фактов, связанных с Японией, начиная с 1945 года.

6 августа – нанесен ядерный удар США по Японии.

8 августа – СССР заявил японскому послу о присоединении к Потсдамской декларации и объявил войну Японии.

9 августа – на рассвете СССР начал боевые действия в Маньчжурии.

Утром 9 августа – второй ядерный удар США по Японии.

10 августа – Япония официально заявляет о готовности принять Потсдамские условия капитуляции с оговоркой относительно сохранения структуры императорской власти в стране.

11 августа – США отвергает японскую поправку, настаивая на формуле Потсдамской конференции.

14 августа – Япония официально принимает условия безоговорочной капитуляции и сообщает об этом союзникам.

2 сентября – подписание Акта о капитуляции Японии.

В результате войны СССР фактически вернул в свой состав территории, утраченные Российской империей в 1905 году по итогам Портсмутского мира (Южный Сахалин и, временно, Квантун с Порт-Артуром и Дальним), а также ранее уступленную Японии в 1875 году основную группу Курильских островов и закрепленную за Японией Симодским договором 1855 года южную часть Курил.

Последняя территориальная потеря Японией не признана до сих пор. Согласно Сан-Францисскому мирному договору Япония отказалась от любых притязаний на Сахалин (Карафуто) и Курилы (Тисима Рэтто). Но договор не определял принадлежность островов, и СССР не подписал его. Однако в 1956 году была подписана Московская декларация, по которой прекращено состояние войны и установлены дипломатические и консульские отношения СССР с Японией.

В 9-й статье Декларации, в частности, сказано: «СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора».

Переговоры по южным Курильским островам продолжают по настоящий момент, отсутствие решения по данному вопросу препятствует заключению мирного договора между Японией и Россией как преемницей СССР.

А теперь уже – подробности в изложении очевидца о событиях, непосредственно или косвенно затронувших Ивана Тевосяна.

Сергей Тихвинский, ветеран отечественной дипломатии, академик РАН, титулованный китаевед, написавший прекрасную книгу «Россия – Япония: обречены на добрососедство: Воспоминания дипломата и заметки историка» (М.: «Памятники исторической мысли», 1996), рассказывает в интервью газете «Время новостей», № 192 (19.10.2006): «Большую роль тут играла внутривосточная обстановка 1956 года.

В феврале прошел XX съезд, на котором Хрущев косвенно обвинил Вячеслава Молотова и других руководителей в создании культа личности Сталина. Придя к власти, Хрущев стал вмеши-

ваться во внешнеполитические вопросы, которые были прерогативой Молотова как главы МИДа. Однако попытки Хрущева показать себя «видным дипломатом» еще в 1955 году нанесли серьезный удар по нашим переговорам с Японией. Его необоснованное вмешательство сильно ослабило наши переговорные позиции».

В июне 1955 года в Лондоне советская делегация во главе с послом в Великобритании, прекрасным знатоком Японии Яковом Маликом начала переговоры с японской делегацией о нормализации отношений. С нашей стороны в переговорах участвовал в том числе и Тихвинский, в то время – советник посольства в Лондоне.

Советская делегация настаивала на подписании мирного договора с признанием японцами советской принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов. На переговорах в Лондоне у советских дипломатов были весомые козыри – возвращение японских военнопленных, разрешение японским рыбакам вести лов в экономической зоне СССР в Охотском море, а также неприменение права вето при допуске Японии в ООН.

И вдруг в августе 1955-го после десятка заседаний Яков Малик во время неофициальной беседы в саду японского посольства неожиданно спросил у главы японской делегации Сюнъити

Посольство СССР в Японии

Мацумото: «Как вы думаете, сможем мы с вами быстро завершить переговоры, если в советской позиции будет некая подвижка?» Малик пояснил, что в случае подписания договора СССР мог бы передать Японии остров Шикотан и архипелаг Хабомаи.

Это была полная неожиданность. Такова была утвержденная в Москве запасная позиция, к ней можно было прибегнуть только в крайнем случае.

Малик выдал ее без согласования с членами делегации, мы были потрясены. Перед этим он побывал в Москве на июльском пленуме ЦК КПСС, и там Хрущев отругал его за отсутствие быстрого прогресса на переговорах.

«Здесь проявилась нетерпеливость Хрущева, – говорит Тихвинский, – его желание показать, что Молотов не умеет вести переговоры, а он даст указание – и сразу же все завертится».

В конце 1980-х участник лондонских переговоров, член японской правительственной делегации Киния Ниидзэки опубликовал статью в органе японского МИДа «Гайко форум». В ней он признал, что слова Малика стали полной неожиданностью для японской делегации. По мнению Ниидзэки, советская сторона проявила необъяснимую поспешность, не использовав до конца свои сильные переговорные позиции.

Как и следовало ожидать, торопливость завела дело в тупик. Через неделю после беседы Малика с Мацумото японцы подтвердили свою прежнюю позицию, согласно которой СССР должен был без всяких условий возвратить все Курильские острова и Южный Сахалин.

Однако Хрущев был настолько нетерпелив и импульсивен, что в сентябре 1955-го в беседе с делегацией японских парламентариев высказал открытое недовольство работой дипломатов с обеих сторон: дескать, в Лондоне «представители пьют чай, ведут между собой дружеские беседы», а дело не движется. Он заявил японцам, что «четыре месяца – срок вполне достаточный для того, чтобы договориться». Судя по всему, он даже не понимал, какой большой ущерб уже нанесла подобная поспешность.

В апреле 1956-го Тихвинского пригласил к себе Молотов и посетовал, что мы не имеем информации из Японии о том, что происходит в деловых и политических кругах этой страны, как они

реагируют на перспективы урегулирования отношений с СССР, и предложил поехать на короткий срок в Японию без семьи, чтобы оттуда информировать Москву о происходящем.

К тому времени в советском представительстве в Токио осталось всего шесть сотрудников, лишь у одного был дипломатический паспорт. Дело в том, что сразу же после ратификации сан-францисского мирного договора весной 1952 года японский МИД известил, что деятельность советского представительства в Токио завершена, поскольку СССР не подписал Сан-Францисский договор. Советские сотрудники выезжали на родину без замены.

В те дни в Москве находилась японская делегация рыбопромышленников во главе с министром сельского хозяйства и лесоводства Итиро Коно. В 1954-м премьером Японии стал Итиро Хатояма, сделавший главным лозунгом своей предвыборной кампании нормализацию дипломатических отношений с СССР. Коно был его политическим единомышленником. В ходе переговоров с Молотовым Коно дал согласие на приезд в Токио советского дипломата. Тихвинский в ранге чрезвычайного и полномочного министра-посланника первого класса прилетел в Токио в качестве «представителя по урегулированию вопросов о рыболовстве и спасении на водах в северо-западной части Тихого океана» 13 мая 1956 года. Несмотря на поздний час и проливной дождь, на аэродроме его встречало около сотни человек. Японские деловые круги были заинтересованы в нормализации отношений с СССР. Это стремление поддерживали партии левого толка и умеренные силы, прежде всего те, кто был возмущен продолжавшейся оккупацией Японии американскими войсками. Были созданы общества японо-советской дружбы, в которых участвовали представители торговых организаций, рыболовецких промыслов, деятели культуры, науки и искусства.

По случаю его приезда широкая коалиция депутатов левых сил устроила прием в здании парламента. Общий тон выступлений на этом мероприятии указывал, что пришло время заключать мирный договор между Японией и СССР.

Американцев все это крайне раздражало. Под нажимом США японцы отказывались признать наше официальное дипломатическое представительство. Но Тихвинский вместе с исполнявшим

обязанности министра иностранных дел Тацуносукэ Такасаки, также сторонником Хатоямы, разрабатывал будущее соглашение о нормализации отношений. Хатояма, ознакомившись с тем, что ему доложил Такасаки, послал официальный запрос в Москву – чтобы ему подтвердили эти договоренности, и такое подтверждение поступило.

Осенью 1956 года замминистра иностранных дел Андрей Громыко направил в Японию письмо, в котором заявил о согласии СССР «на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между нашими странами переговоров о заключении мирного договора, включающего и территориальный вопрос». Японская сторона ныне ссылается на эти слова как на признание готовности обсуждать ее дальнейшие территориальные притязания.

Премьер Хатояма, который передвигался в инвалидной коляске, в октябре 1956-го сам отправился в Москву. Его проводы на аэродроме в Токио вылились в массовую демонстрацию с требованием скорейшей нормализации отношений с СССР, по словам Тихвинского, – «целое море людей с плакатами и транспарантами»; акцию поддержали рыболовецкие круги и прогрессивная общественность Японии. 19 октября 1956-го в Москве была подписана декларация о нормализации отношений с СССР. Когда Хатояма вернулся из Москвы, ему была устроена торжественная встреча.

Потом это соглашение было ратифицировано советским Верховным Советом и японским парламентом. Для обмена ратификационными грамотами в декабре 1956 года в Токио прилетел заместитель министра иностранных дел Николай Федоренко.

С того момента Тихвинский стал временным поверенным советского посольства в Японии.

Тихвинский глубоко уверен, что Хатояма согласился бы и подписал бы не декларацию, а мирный договор, если бы не вмешательство третьей силы в лице США, отступивших от договоренностей в Ялте и Потсдаме.

Но в декларации 1956 года содержалось самое важное – прекращение войны, восстановление дипломатических отношений и экономическое сотрудничество.

Деятельность Тихвинского в качестве поверенного продолжалась до прибытия в феврале 1957 года полномочного посла в Японии Ивана Тевосяна. Как подчеркивает в своем рассказе Тихвинский, «для Японии это назначение было великим событием, ведь Тевосян занимал пост заместителя Председателя Совмина СССР».

13 февраля с группой сотрудников посольства в Токио из Москвы прилетел Иван Федорович Тевосян, а также советская делегация на заседание первой сессии Советско-японской комиссии по рыболовству в северо-западной части Тихого океана.

Верительную грамоту императору Японии новый посол вручал 20 февраля. В 15.30 во двор советского посольства прибыл церемониймейстер императорского двора в карете, запряженной парой породистых лошадей. В карете поехал посол с церемониймейстером двора, а Тихвинский и советник посольства Николай Адыхраев следовали сзади на посольском автомобиле. Во дворце их встретил новый министр иностранных дел Киси Нобусукэ.

Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Японии И.Ф. Тевосян и премьер-министр Японии Нобусукэ Киси, Токио. 1957 год

Тихвинский вспоминает: «После непродолжительной протокольной беседы с Киси посла и сопровождавших его сотрудников посольства пригласили в маленькую комнату по соседству, где император Хирохито, одетый в строгий черный костюм, принял верительную грамоту от И.Ф. Тевосяна, выслушал краткую речь посла и ответил на нее пожеланием развития и укрепления добрососедских отношений Японии с Советским Союзом. Рядом с императором был министр иностранных дел Н. Киси, а мы с Адырхаевым, стоя за спиной посла, лицом к императору и Киси, были немало удивлены поразительным внешним сходством нашего посла с императором Хирохито. И.Ф. Тевосян и император были почти одного и того же роста и телосложения, одеты в одинаково строгие черные костюмы и даже имели похожую прическу.

Сама процедура вручения верительной грамоты была начисто лишена подчеркнутой парадности, проходила в сугубо интимной обстановке, в атмосфере доброжелательности.

Премьер-министр Японии Нобусукэ Киси, Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Японии И.Ф. Тевосян, С.Л. Тихвинский. Токио, 1957 год

После ответного слова императора посол представил меня и Адырхаева; император при этом заметил, что уже знаком со мной, видимо, имея в виду церемонию новогоднего поздравления императора дипкорпусом. По завершении церемонии нас проводили к ожидавшей посла карете, и мы, следуя за каретой на автомобиле, возвратились в посольство.

После вручения верительной грамоты И.Ф. Тевосян пригласил меня в свой кабинет, как он предупредил, «для доверительного разговора». Он предложил мне после кратковременного отпуска в Москве, забрав семью, вернуться в Токио для постоянной работы в посольстве в качестве его заместителя, советника-посланника посольства. Несмотря на непродолжительность знакомства с И.Ф. Тевосяном, я успел проникнуться к нему чувством глубокого уважения. Еще в Москве я знал, что это был опытный государственный деятель, много сделавший для развития отечественной металлургии и судостроения, в тяжелый для страны военный период обеспечивший на эвакуированных вглубь страны предприятиях выпуск качественных сталей для производства вооружений. Последние годы он успешно работал заместителем Председателя Совета министров СССР, курируя тяжелую промышленность страны. Его неожиданное назначение на дипломатическую работу в Токио было еще одним проявлением своеволия, если не сказать более резко, самодурства Н.С. Хрущева, которому не нравился этот прямой, не склонный к подхалимажу авторитетный руководитель нашей промышленности, твердо отстаивавший свои убеждения и не воспринимавший волюнтаристские методы руководства экономикой со стороны Хрущева.

За короткий период нашего общения в Токио Иван Федорович произвел на меня очень хорошее впечатление своим тактом и рассудительностью. Тем не менее от предложения посла остаться на работе в посольстве в Токио я вежливо, но решительно отказался.

Свой отказ я мотивировал следующими соображениями: послу, как новичку в Японии и вообще на дипломатической работе, необходимо иметь в качестве своего ближайшего помощника дипломата-япониста, свободно владеющего японским языком и имеющего за плечами опыт работы в этой своеобразной и весьма важной для нас стране».

Когда пришло официальное назначение, Тевосян, как член партии, должен был не только немедленно подчиниться, но проинформировать и все сопутствующие действия в самые сжатые сроки. Он сдал дела по уже бывшей работе и в тот же день позвонил домашним, чтобы они освободили дачу в Архангельском, где жили. Месяца два дача еще числилась за семьей, но они жили в городе, а потом им дали совминовскую дачу в Жуковке. С одной стороны жил Молотов, с другой – молодой академик Сахаров.

По рассказу Владимира Смирнова, Тевосяна заранее осведомили об одном пункте японского дипломатического этикета: «Это назначение [послом] совпало со сменой американского посла в этой стране – им стал известный недоброй памяти генерал Макартур».

Nota bene. Смирнов путает генерала Дугласа Макарура с его племянником дипломатом Дугласом Макартуром II (Douglas MacArthur II, названным в честь своего дяди). Макартур II работал во французском движении Сопротивления во время Второй мировой войны и два года был в плену. Он работал послом США в Японии в 1957–1961 годах.

С жителями Токио

«Узнав, что по дипломатическим правилам на официальных приемах послы выстраиваются не по рангу держав, а по времени прибытия в данную страну, – продолжает Смирнов, – Тевосян отбросил все личные дела, связанные с отъездом, и на самолете помчался в Японию, чтобы прибыть в Токио хотя бы на час раньше Макаргура. И он достиг своей цели: на официальных приемах представитель СССР стоял впереди американского» («Воспоминания о И.Ф. Тевосяне»).

Тевосян ускорил процесс подготовки, чтобы приехать раньше американца. По словам Розы Тевосян, он даже не прошел толком медицинского обследования, чтобы открывшиеся проблемы со здоровьем не были расценены как «поиск лазейки». Но, несмотря на недостаток времени, он в спешном режиме освоил и изучил максимум по истории, экономике и культуре Японии, проработал множество документов, собрал, изучил и взял с собой целую библиотеку.

Все это помножилось на внутренние качества – опыт и уверенность, что хорошо видно в приветственной речи, которую он произнес на вручении верительных грамот. Речь эту мы имеем возможность привести полностью.

«Господа!

Разрешите мне воспользоваться этим случаем и передать мои сердечные приветствия и наилучшие пожелания жителям города Токио, уважаемым гражданам Японии. Мне выпала большая честь представлять Советский Союз в Японии в качестве посла СССР. Народы Советского Союза питают глубокие чувства уважения к своему соседу – трудолюбивому японскому народу. Советский Союз искренне желает развивать и укреплять дружественные отношения с Японией.

Как известно, Советское государство неизменно проводит политику мира и международного сотрудничества со всеми странами и народами. Мы стоим за политику мирного сосуществования государств с различным общественным и экономическим строем, политику, основанную на принципах полного равноправия, независимости, суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств. Этими принципами мы руководствуемся в наших отношениях с Японией.

После нормализации отношений между СССР и Японией задача состоит в том, чтобы приложить все усилия к развитию дружественных и добрососедских отношений между нашими странами.

Разрешите выразить надежду, что деятельность советского посольства в этом направлении встретит в вашей стране понимание и поддержку.

Позвольте поблагодарить вас за встречу и внимание».

Охоту на диких уток, неоднократно упоминавшуюся в разных источниках в связи с именем Тевосяна, в загородном поместье императора примерно в 30 километрах от Токио от имени императора устраивал императорский брат. Тихвинский красочно описывает подробности: «Каждому участнику вручали по большому сачку на длинном древке и вели под руководством егеря к озеру, обсаженному кустами бамбука. От водоема отходили короткие радиальные каналы, окруженные дамбой. На нее охотники поднимались, когда егерь давал сигнал, что у кормушки в тупиковом конце канала появились утки. Взлетающих с диким шумом уток надо было ловить сачком. Нас было трое – посол Тевосян, советник [Николай] Адырхаев и я. На охоту позвали также недавно вручившего верительные грамоты посла Югославии с переводчиком. ...Каждому охотнику за удачно пойманную птицу вставляли перышко в тулью шляпы. У меня оказалось три пера, а у Тевосяна – одно. Когда мы уже возвращались с охоты, Адырхаев говорит: «Сергей Леонидович, вы нарушили дипломатический этикет. Как вы могли поймать трех уток, когда посол поймал только одну?» Я ему говорю: «Дело в том, что я имею разрешение уехать домой» (интервью газете «Время новостей»).

Поражает насыщенная жизнь посла, объем действий, визитов, поездок, которые он успел совершить за этот краткий период; бесед, какие успел провести; писем, какие успел написать. Мы знаем это благодаря обязательному документу – «Дневнику посла» – и стенографическим беседам с дипломатами из разных стран: послом Японии в СССР С. Кадоваки (полное имя обнаружить не удалось. – Прим. ред.), английским послом в Японии Мэберли Ислером Денингом (Maberley Esler Dening), Итиро Хатояма, цейлонским, бирманским и египетским послами в Японии, главным

редактором газеты «Асахи». Множество содержательных бесед проведено с Киси Нобусукэ. Все эти документы до сих пор несут мидовский гриф «запрещено к публикации».

Во всех этих беседах, помимо набора общеупотребительных уверений во взаимопонимании и уважении, – здравые мысли и обдуманые ответы Тевосяна, четко и твердо сформулированные и высказанные с соблюдением всех дипломатических правил.

В обсуждениях с японской стороной большое место уделено проблеме несанкционированной ловли рыбы в водах Охотского моря японскими рыбаками. Достигнут определенный компромисс, установлены дозволенные квоты и разрешения.

Важный и болезненный момент – японская нота СССР о недопустимости испытаний ядерного оружия без предварительного оповещения об этом. Ответ вкратце был следующий: Советский Союз, выступая за полное запрещение атомного и водородного оружия, за его изъятие из вооружения всех государств, готов немедленно отказаться от собственных испытаний, как только другие державы возьмут на себя такие же обязательства.

На приеме

Форсировано культурное сотрудничество. В беседах этих обсуждались: создание журнала и фотоальбома, посвященных Советскому Союзу; показ советских фильмов в Японии; перевод на русский язык научных работ японских ученых по истории Японии; обмен медицинской литературой и – с ассоциацией рыбопромышленников – альбомами и журналами по вопросам китобойного и рыболовного промыслов; а также издание статьи о новом методе определения содержания урана в руде.

Торговые вопросы, которые поднимал в беседах Тевосян и которыми он занимался вплотную: развитие торговли лесом, прием делегации СССР на Международной промышленной выставке в Токио, перспективы торговли между СССР и Японией, об организации советских павильонов промышленных выставок в городах Саппоро и Отару и промышленных выставках в Коти и Модзи.

С сотрудниками посольства

МИД Японии 27 февраля 1957 года направил вербальную ноту в Посольство СССР в Японии с просьбой направить советский военный корабль «Обь» на помощь пароходу японской антарктической экспедиции, попавшего в тяжелые льды и потерявшего возможность двигаться своими силами. Следующая нота выражает глубокую благодарность за вовремя оказанную помощь – выведение «Обью» японского парохода на свободную ото льда воду. Помощь была оказана незамедлительно, всего через день.

Поднимались и ключевые для Японии вопросы, помимо рыболовных: репатриация военнопленных японцев (что так и не было полностью сделано высшим партийным руководством, и огромная масса их погибла на принудительных работах), о принятии Японии в ООН, об атомной энергии.

Нельзя особо не подчеркнуть момент, вызвавший наше глубокое уважение.

Большинство опальных советских руководителей, неожиданно отправленных Хрущевым в качестве послов в разные страны, смотрелось там, в отличие от профессиональных дипломатов, мягко говоря, экзотически (да и сам глава государства со своими незатейливыми костюмами, раскованным поведением и фамильярной речью не составлял исключения). Но, насколько мы можем судить по протокольным записям разговоров с иностранными дипломатами и высокопоставленными японскими чиновниками, предельно закрытый круг высших дипломатов принял Тевосяна как равного. Иван Тевосян был абсолютно органичен на своем посту: грамотная оценка международных политических событий, безукоризненная вежливость, умение вести беседу, дресскод, тщательное соблюдение этики и этикета, даже его сложной японской разновидности.

Кроме всего, он и по характеру удивительно подходил для работы в Японии. Такой же, как и японцы в массе своей, аккуратист и трудоголик, внимательный, наблюдательный, аккуратный, дошный.

Он страшно волновался, уходя из металлургии, и в первую очередь – и оправданно – за своих сотрудников, которых, как он ожидал, ждут массовые увольнения. Хрущев, как и все руководители после него, продвигал свои кадры. Хрущевские кадры

шли из Украины. Промышленность стала полностью контролироваться партийным аппаратом. В черной металлургии произошли большие перемены, в меньшей степени – в судостроении, в электронике.

Но ему удалось еще увидеть кого-то из своих друзей, коллег, единомышленников, соратников – как бы патетически ни звучало это слово – до отъезда и уже после, в Японии.

По рассказу Розы Тевосян, перед отъездом ее отец посетил в больнице смертельно больного Малышева. Он умирал от лучевой болезни, через четыре года после посещения полигона, на котором проводились испытания первой советской термоядерной бомбы. Они обнялись и заплакали, понимая, что расстаются навсегда. Их связывало взаимное глубокое уважение и приязнь.

Александр Шелков завершает свои воспоминания так: «В последний раз я видел Тевосяна на Внуковском аэродроме, когда мы, группа работников министерства, провожали его в Токио. Иван Федорович приехал незадолго до назначенного времени вылета самолета. Он был серьезен и грустен, подошел к нам, крепко пожал каждому руку. В ответ на его рукопожатие все желали ему доброго пути...».

Петр Ломако тоже рассказывает о проводах: «В начале 1957 г. Иван Федорович был назначен послом СССР о Японии. Провожал я Ивана Федоровича в Японию в феврале 1957 г. на Внуковском аэродроме, расцеловал его и пожелал своему большому другу успехов на новом посту...».

Последний звонок, который сделал Тевосян перед отъездом, чтобы попрощаться, – был Косыгину.

В мае 1957 года в Токио открылась промышленная выставка, на которой присутствовала советская делегация – двадцать два специалиста из разных промышленных министерств. В нее попали несколько бывших сотрудников и единомышленников Ивана Тевосяна. По приезде в Токио делегацию в полном составе принял посол.

По воспоминаниям Владимира Смирнова, бывшего в составе делегации, Тевосян сразу же узнал и назвал по фамилиям судостроителей и металлургов, а потом познакомился с представителями других профессий. Сразу же после беглого осмотра выстав-

ки Иван Федорович пригласил судостроителей к себе в кабинет, расспросил о первых впечатлениях, а потом экспромтом сделал блестящий обзор японской судостроительной промышленности. Япония, по его словам, сделала ставку на зарубежный опыт в судостроении, приобретает огромное количество лицензий на постройку судовых турбин, котлов, дизелей, генераторов и так далее. Вызвано такое решение отсутствием времени и средств. Тем не менее на выставке представлены и оригинальные разработки японских конструкторов, квалификации и способностям которых Тевосян дал высокую оценку и к разработкам которых советовал отнестись внимательно. Хотя японские фирмы продают свои лицензии, их количество в 10–15 раз меньше, чем покупаемых в других странах.

Он кратко сформулировал особенности японского судостроения: судостроительные заводы располагают крупными машиностроительными мощностями. Котлы, турбины, дизели заводы делают для себя сами. По нерешающим механизмам и оборудованию пользуются широкой кооперацией. Некоторые особо ответственные и крупные детали судостроительные заводы тоже дела-

Гастроли в Японии народной артистки СССР О.В. Лепешинской

ют для себя сами, не доверяя этого дела контрагентам. Не зная, что значат такие детали для судна, контрагент может опоздать с поставкой и нанести фирме ущерб, за который он окажется не в состоянии заплатить неустойку. Большинство судов в Японии строится в сухих доках, которых насчитывается 83. Все заводы, даже самые крупные, занимаются ремонтом кораблей – с заказами на ремонт трудностей не возникает, поскольку главный заказчик здесь – американский военный флот. Что касается заказов на торговые суда, то самый крупный заказчик здесь – малые страны вроде Либерии, а на поверку – те же США и другие крупные капиталистические страны, которым выгодно эксплуатировать низкооплачиваемых японских рабочих и экипажи малых стран.

Секрет низкой себестоимости судов, строящихся в Японии, в низкой заработной плате и высокой дисциплине рабочих, их квалификации, организации и интенсивности их труда. «Не пытайтесь на японских заводах искать рабочую столовую – ее там никогда не найдете. Рабочие обедают на рабочих местах и едят то, что приносят в ящичках из дома, – сказал он. – И еще обратите внимание на то, что люди работают, буквально не поднимая головы».

Во дворе Посольства СССР в Японии с его сотрудниками

«Мы слушали и дивились. Прошло двадцать пять лет с тех пор, как Иван Федорович был наркомом судостроительной промышленности, но он говорил о судостроении с таким знанием дела, с такими тонкостями, так квалифицированно, что мы забывали, что перед нами чрезвычайный и полномочный посол. Нам снова казалось, что вернулись далекие времена и мы снова слушаем своего наркома судостроения... И опять мы дивились широким познаниям, необыкновенному интересу к любому делу, быстроте понимания всей сложности вопросов. Перед нами был не министр судостроения, а министр черной металлургии. А если говорить точнее, – перед нами был выдающийся специалист промышленности вообще...»

Во время беседы старший советник посольства, возвращая увлекшегося хозяина к дипломатическим обязанностям, объявлял о нескольких событиях. В частности, пришло сообщение японского МИДа об отъезде премьер-министра с визитом в Индию, – и Тевосян дал поручение подготовить подтверждение получения срочного письма и указать японской стороне в этом подтверждении, что сообщение о визите премьер-министра в Индию он прочитал в японской газете еще двумя днями раньше.

Или – английский посол пригласил Тевосяна завтра поужинать и осведомился, что Иван Федорович хотел бы получить на ужин. «Иван Федорович со свойственным ему юмором и лукавой улыбкой сказал:

– Пусть он приготовит мне протоколы секретных переговоров, которые он вел с японским премьером на прошлой неделе, а меню ужина – по усмотрению и вкусу посла».

После этого начался разговор о порядке и обычаях в дипломатическом корпусе. Тевосян рассказал, что «перед вручением верительных грамот его предупредили, что император принимает грамоты формально, просили не задавать вопросов. Но получилось наоборот – император оживился и сам начал задавать вопросы. Он спросил посла, сколько ему лет, и, получив ответ, удивился молодежавому виду Ивана Федоровича. Далее, уже шутя, император сказал, «Может быть, сан Тевосян, вы раскрываете нам секрет молодости?» – «С удовольствием, – ответил посол, – я оптимист и всегда улыбаюсь». Император необычно

долго задержал Тевосяна разговорами и вопросами, вплоть до вопроса по биологии, и пригласил его на императорскую охоту».

Тевосян рассказывал об участии в охоте, в скачках, затем о политике правительства Японии и о порядках в этой стране.

«Мы слушали Тевосяна и дивились, как он за такое короткое время стал высококвалифицированным дипломатом. Меня Тевосян приглашал к себе несколько раз и живо интересовался всем виденным нами как на выставке, так и при посещении фирм и заводов, подробно расспрашивал обо всем, подправлял, где мы ошибались, объяснял то, что мы не понимали, отмечал особенности различных явлений, связанных с обычаями и образом жизни в Японии, вплоть до мельчайших подробностей. Он говорил: здороваясь, не суйте свою руку, японцы не здороваются рукопожатием – они с улыбкой кланяются. Если у вас насморк, надевайте марлевую повязку. Будьте осторожны, так как у них левостороннее движение на дорогах».

В разговорах с полным составом делегации он вел подробные беседы с металлургами. Они не только рассказывали, но и слушали Ивана Федоровича, консультировались у него по конкретным вопросам металлургии. Тевосян успел очень хорошо изучить японскую металлургическую промышленность и сделал взвешенный профессиональный анализ. Он договаривался с японскими фирмами о посещении делегацией крупных металлургических заводов, а также судостроительных предприятий. В частности, делегация посетила пять крупных заводов.

«В одно из воскресений он пригласил металлурга Перцева... и меня, – продолжает Смирнов, – к себе домой на ужин. Он жил в посольстве один, без семьи, так как его супруга не могла бросить работу, а дети – учебу. Тевосян встретил нас в прихожей, как важных гостей или как дипломатов, усадил всех за стол. Это был интересный вечер с множеством оригинальных рассказов о случаях из жизни, остроумных шуток и анекдотов.

Было ясно, что его интересует и волнует вопрос реорганизации промышленности в связи с организацией совнархозов, он старался узнать у нас все, что нам известно относительно этих изменений, и особенно в части кадров. ...После ужина он пригласил нас в гостиную; там у него стоял патефон и было огромное количе-

ство пластинок. Слушая песни, мы все вспоминали нашу юность и комсомольскую работу. Когда Иван Федорович был наркомом судостроительной промышленности, он не курил, но здесь курил непомерно много – одну сигарету за другой.

Заканчивалась выставка и вместе с нею наша командировка. Мы узнали много интересного на выставке, при посещении японских предприятий, но больше всего нового нам рассказал наш посол. Он тепло проводил советскую делегацию, пожелал успехов. Выглядел он хорошо, и мы не заметили у него никаких признаков болезни».

Человек, знавший Тевосяна и любивший его в течение долгих лет, – Перцев – увидел и почувствовал гораздо больше.

«Едва поздоровавшись, Иван Федорович спросил:

– Ты привез газеты?

Встреча на выставке в Токио

– Нет, – ответил я.

Он взволновался и упрекнул меня:

– Неужели ты не понимаешь, что мы отстаем на несколько дней от жизни страны?

В этот период шла реорганизация управления промышленностью, ликвидировались министерства, создавались совнархозы.

– Ну тогда рассказывай, что там сейчас делается, – продолжал Тевосян.

И я кратко изложил состояние дел.

– Ну а наше министерство остается? – спросил он.

– Пока остается, – ответил я.

Подошли другие члены делегации, все мы сели за обеденный стол, на нем было много вкусного, но, как обычно, ничего спиртного. После довольно оживленной застольной беседы все

На переговорах

мы расположились в другой уютной комнате. Иван Федорович сам все время заводил патефон и менял пластинки, и все мы хором под патефон тихо пели и немного грустили. Наступила пора расходиться, мы поблагодарили хозяина за радушный прием, за доставленное удовольствие. Потом Иван Федорович подошел ко мне и сказал:

- Ты приходи завтра, часов в семь вечера, сюда один.
- Хорошо! – ответил я. И мы разошлись.

На другой день в половине седьмого я был в вестибюле посольства, через несколько минут появился Иван Федорович, пригласил меня к столу и начал заботливо угощать разными яствами. Затем перешли к разговору о делах у нас дома, о реорганизации. Уже стало известно по радио, что Министерство черной металлургии тоже ликвидируется. Это было для нас очень грустное известие. Больше всего Ивана Федоровича волновал вопрос, как бы не растерялись кадры.

– Ведь по крупице, по зернышку мы собрали в металлургии замечательных людей, организовался хороший коллектив специалистов. Куда они денутся, не растворятся ли безвестно в промышленности? И он начал вспоминать поименно десятки людей.

- А как твое мнение о таком-то, на что способен такой-то?

А потом сам давал характеристику каждому – краткую, четкую, чеканную и опять спрашивал:

- А как ты думаешь, а твое мнение?

Иногда мы по-разному оценивали одного и того же человека, немножко спорили. Но, разумеется, с ним спорить было трудно – уж очень он был глубокий и проницательный человек. Поздно вечером я вернулся к себе в гостиницу.

В течение всего периода нашего пребывания в Японии Иван Федорович неоднократно с нами встречался, помогал в организации посещения заводов и предприятий и давал советы, где побывать, что посмотреть, чем поинтересоваться.

Накануне нашего отлета домой я зашел к Ивану Федоровичу в посольство попрощаться. Он был одет в хорошо отутюженный черный костюм, белую сорочку, выглядел очень нарядно, только глаза выдавали его внутреннее волнение и глубокую задумчивость.

– Сегодня в восемь часов вечера, – сказал он, – я должен быть на приеме у императора, вот поэтому на мне парадная форма.

Я сел у стола, где обычно садятся на приеме посетители. Иван Федорович часто куда-то звонил по телефону, разговаривал коротко каким-то раздраженным голосом. Беседа наша не клеилась, мы обменивались отдельными фразами. Минут через тридцать я встал с намерением попрощаться. Иван Федорович показал рукой, чтобы я сел. Прошло еще минут двадцать, и я опять попытался встать, говоря, что мне неудобно его задерживать.

– Да сиди ты, – настойчиво сказал он, – куда торопишься?

Время шло, пошел восьмой час, я решительно встал и сказал:

– Иван Федорович, вам, наверное, опаздывать неудобно.

– Да, – ответил он, – мне пора.

Он медленно встал, с каким-то трудом вышел из-за стола, обнял меня обеими руками, и мы крепко расцеловались. Я понял всю тяжесть его душевного состояния, и мне хотелось в тот момент сказать ему что-то теплое, хорошее. Я ему сказал, что все металлурги его помнят и любят, и все мы убеждены, что придет время – мы с ним еще поработаем. Прощание получилось очень тяжелым и грустным».

Вскоре Иван Федорович почувствовал себя плохо. Стояло лето, страшная жара. Ольга Александровна обратилась к первому заместителю министра иностранных дел, бывшему металлургу Василию Кузнецову за разрешением для мужа на два самых жарких месяца в Японии вернуться в Москву. Кузнецов, в свою очередь, обратился к Хрущеву. И Хрущев отказал. Тевосяну стало хуже, уже было понятно, что он очень серьезно болен.

В штате советского посольства в Японии не было врача. Посольским работникам можно было обращаться в американское посольство, в посольский госпиталь, где был русский врач. Но Тевосян до последнего отказывался пройти обследование.

Вскоре все же пришлось уже вызвать американского врача. «Он сделал рентген, и он уже фактически сказал, даже отцу проговорился, что скорее всего это рак», – рассказывает Владимир Иванович.

Тяжело больной, зная, что его дни сочтены, Тевосян перед отъездом из Японии хлопотал об устройстве на работу двух своих

коллег, приехавших вместе с ним туда. Точно так же хлопотал о тех, кто остался в Москве и потерял работу в связи с его уходом из отрасли.

В Москве не были уверены в диагнозе. Оттуда отправили к Тевосяну на консультацию терапевта-кардиолога Александра Мясникова, одного из крупнейших советских медиков того времени, лечившего руководителей страны. «Потому что у отца вообще было неважное сердце, – объясняет Владимир Иванович. – Мясников приехал вместе с мамой, и отец все время удивлялся, что он его чуть послушал, и пошел гулять по Токио, и даже на него не смотрел. А Мясникову сразу стало все ясно. Он посмотрел рентген... Отца это очень волновало, он очень беспокоился».

Вместе с Мясниковым Иван Федорович вернулся в Москву, где сразу лег в больницу. Сделали попытку лечения, две-три поверхностные операции, но уже были множественные метастазы.

«Очень сильно беспокоился Косыгин. Я сам видел, Косыгин был у него, он вышел в коридор, я сидел в коридоре и видел, как у Косыгина по лицу слезы текут».

Молотов значительно более сух в своих воспоминаниях: «Отношение ЦК и Совета министров к Тевосяну было всегда хорошим,

На приёме

несмотря на этот перевод в Японию. Там он заболел неизлечимой болезнью. Он знал о безнадежности состояния своего здоровья, ожидал скорой смерти: еще японские врачи откровенно заявили, что у него рак. Я заходил к нему в палату больницы, беседовал с ним, старался всячески подбодрить его. Он держался мужественно, героически. До конца» («Сто сорок бесед с Молотовым»).

Петр Ломако пишет: «...Недолго пришлось Ивану Федоровичу работать в Японии. В сентябре 1957 года я увиделся с ним в больнице – он был уже тяжело болен. Мы многое вспоминали, беседуя, но чувствовал он себя плохо. Больше я его не видел. В марте 1958 г. Иван Федорович Тевосян скончался, я был на его похоронах».

Дмитрий Павлов завершает главу своих воспоминаний о Тевосяне так: «В октябре 1956 г. (в феврале 1957 г. – Прим. ред.) И.Ф. Тевосян был назначен послом Советского Союза в Японию. Там он, к сожалению, заболел и вернулся на родину тяжело больным.

Так случилось, что я встретился с ним в последний раз в 1958 г. в подмосковном санатории «Барвиха». Мы ежедневно подолгу общались друг с другом. Его суждения, оценка событий были глубокими и убедительными. В беседах мы неоднократно затрагивали вопрос о проведенной перестройке управления промышленностью. Иван Федорович отрицательно относился к упразднению промышленных министерств. Говорил он тихо, болезнь давала о себе знать, его обычно живые черные глаза уже не светились, как прежде. Он показывал снимки своих легких, говоря при этом, что врачи ошиблись в диагнозе, что чувствует он себя лучше. Его жизнелюбие восставало против мрачных мыслей, он продолжал интересоваться внутренними и внешними событиями, следил за печатью. Но дни его были сочтены, он угасал на глазах. Его отвезли в больницу, где вскоре Иван Федорович умер. Я счастлив, что имел возможность знать его и общаться с этим редким по дарованию и обаянию человеком» («Стойкость»).

30 марта 1958 года Иван Федорович Тевосян скончался.

Говорит Роза Тевосян: «Профессор Мясников, чьи научные работы как раз и были связаны с воздействием потрясений нервной системы на здоровье (о чем писал его ученик академик Евгений Чазов), сказал маме, прилетев в Японию: «Эта болезнь – резуль-

тат стресса, он получил удар огромной силы, он мог бы еще долго жить, еще лет двадцать...». Она вспоминает слова Ахмадулиной о смерти Пастернака: «Это была, разумеется, причиненная болезнь, причиненная смерть. Тогда я убедилась, что роковая болезнь может быть причинена, что душа еще может быть в состоянии выдержать, выстоять, но плоть подводит, не справляется» (отрывки из монологов Беллы Ахмадулиной, записанные литературным редактором журнала «Сноб» Сергеем Николаевичем. — «Сноб», 15.02.2011).

«На поминках отца, после похорон, в присутствии Патоличева (Николай Патоличев тогда – 1-й заместитель министра иностранных дел СССР. – Прим. ред.), Кузнецова, Шереметьева, Хруничева эту же мысль открыто высказал Косыгин», – добавляет Роза Ивановна.

«В свое время Хрущев, отправляя в «ссылку» снятого им с поста министра металлургии Тевосяна, сделал его послом в Японии – именно там, где тому было противопоказано жить из-за больного сердца. Тевосян вскоре умер» (Кеворков Ваграм. Эссе «Годы на ТВ»: авторский сборник «Романы бахт». М.: «Книжный сад», 2008).

Роза Тевосян делится с нами известными ей подробностями: «Когда у Хрущева его сын спросил: «Что же ты так поступил с Тевосяном?» Он развел руками и пожал плечами... А дочь Михаила Первухина рассказала нам, что после пленума 1957 года Хрущев объявил ее отцу, что посылает его послом в Японию. Тот открыто спросил: «Вы хотите меня убить, как убили Тевосяна?»

После получения сообщения о смерти Ивана Федоровича Тевосяна посольство уведомило об этом нотами Управление Императорского Двора Японии, Министерство иностранных дел Японии и иностранные посольства, миссии и представительства в Японии. Одновременно был организован прием посетителей, приходивших для выражения соболезнования.

Первого апреля от имени Управления Императорского Двора посетил посольство и выразил соболезнование главный церемониймейстер Двора Харада Кумао. В этот же день посольство посетил начальник протокольного отдела Двора и передал соболезнование японского правительства и нового министра иностранных дел Фудзияма Айтиро.

Второго и третьего апреля посольство для выражения соболезнования посетили общественные и политические деятели, члены парламента, представители общественных организаций, компаний Японии и сотрудники иностранных дипломатических миссий в Токио – послы и главы миссий Чехословакии, Югославии, Великобритании, Объединенной Арабской Республики, Ирана, Ливана, Нидерландов, Новой Зеландии, Италии, Цейлона, Канады.

Соболезнование нотой выразили также послы Австралии, Кубы, поверенный в делах Эквадора; посол Бразилии прислал свою визитную карточку.

В течение первого и третьего апреля в Посольство СССР поступили телеграммы и письма с выражением соболезнования, в том числе от посла США Макарура. В письмах и нотах, направленных в Посольство СССР иностранными миссиями и представительствами, также выражалась просьба передать соболезнование семье Ивана Федоровича.

С детьми сотрудников посольства

Имя Тевосяна осталось жить в воспоминаниях современников. Обратимся к ним.

Петр Фадеевич Ломако: «И.Ф. Тевосян умер рано, но его талант и преданность делу оказали большое влияние на ускоренное развитие черной металлургии. В моей памяти он навсегда остался хорошим другом и товарищем» («Воспоминания о И.Ф. Тевосяне»).

Владимир Федорович Жигалин: «Иван Федорович Тевосян прожил недолгую, но необыкновенно яркую, полную, интересную жизнь. Современным руководителям производства есть чему у него поучиться» («Воспоминания о И.Ф. Тевосяне»).

Иван Павлович Бардин: «Стиль его работы был особенный: никогда не жалея себя, неизменно заботился о подчиненных. Он любил беззаветно металлургию, так как понимал, что без любви к делу начинается служба, а не творчество... Он ясно представлял будущее металлургии и всего народного хозяйства. Мы все, работавшие с Иваном Федоровичем, учились у него принципиальности, смелости, решимости всегда говорить то, что подсказывает совесть, а не страх... Он требовал от своих подчиненных всегда говорить только правду, как бы горька она ни была» (Из письма Ольге Хвалебновой в апреле 1958 года).

Николай Михайлов привел слова Ивана Тевосяна в ответ на чью-то реплику: «В наше время фанатики и аскеты перевелись. Нельзя так изнурать себя работой, Иван Федорович, надо жить и для себя». Тевосян, улыбнувшись, ответил: «Когда я работаю, то и живу для себя. Люди по-разному понимают жизнь, счастье, свою цель» («Люди Страны Советов»).

Николаю Константиновичу Байбакову принадлежит формула: «Тевосян — титан металлургии. Мне всегда казалось, что каждое дыхание домен и мартенов в каждый час и в каждую минуту контролировал и регулировал этот человек удивительной трудоспособности и таланта».

Прах И. Ф. Тевосяна хранит Кремлевская стена.